

САМАЯ СТРАШНАЯ КНИГА

Составитель М. С. Парфенов

Москва
Издательство АСТ

ВАЖНОЕ УВЕДОМЛЕНИЕ

Формально составителем этой антологии указан Парфенов М. С.— на деле же он и другие люди, включая редактора «Астрель-СПб» Ирину Епифанову и координатора отбора Ирину Парфенову, лишь организуют сам процесс, помогая настоящим составителям — из народа.

Каждый год собирается группа добровольцев, которые читают сотни присланных в ССК историй и голосуют за те, которые им понравятся. Каждый наш ежегодник собран по итогам таких голосований.

Так что настоящими составителями (так называемой таргет-группой) этой антологии являются:

- Александр Немов (Москва)
- Александра Омельченко (Славянск-на-Кубани)
- Александра Пулиш (Чехов)
- Александра Сарасонова (Нижний Новгород)
- Алексей Питикин (Москва)
- Алёна Ёлкина (Мурманск)
- Анастасия Жаркова (Ухта, Республика Коми)
- Анастасия Милаева (Санкт-Петербург)
- Анна Фабричнова (Подольск)
- Антон Данилеко (Великий Новгород)
- Антон Каштанов (Санкт-Петербург)
- Анфиса Сутугина (Мончегорск)
- Валентин Марудов (Москва)
- Валентина Барина (Тверь)
- Василиса Чайникова (Челябинск)
- Вера Гуленкова (Опочка)
- Вероника Рязанова (Красково)

Виктория Ледник (Отрадный)
Виктория Сулова (Москва)
Виктория Унтерова (Москва)
Виталий Бусловских (Новосибирск)
Владимир Кутузов (Новосибирск)
Владимир Подлеснов (Тамбов)
Владислав Ерафонов (Набережные Челны,
Республика Татарстан)
Всеволод Голубков (Иваново)
Денис Козлов (Рязань)
Диана Шарапова (Нягань, ХМАО-Югра)
Дмитрий Гловацкий (Донецк, Донецкая Народная
Республика)
Дмитрий Иванов (Нижний Новгород)
Дмитрий Иванов (п. Новый Торъял, Республика
Марий Эл)
Дмитрий Лифатов (Воронеж)
Дмитрий Петров (Невьянск)
Евгений Чернявский (Москва)
Евгения Адушева (Санкт-Петербург)
Евгения Зотова (Жуковский)
Евгения Климова (Иваново)
Егор Артемов (Горловка, Донецкая Народная
Республика)
Екатерина Долгуничева (Санкт-Петербург)
Екатерина Насонова (Химки)
Екатерина Пападопулос (Краснодар)
Елена Астахова (Рязань)
Елена Гоняева (Энгельс)
Елена Уварова (Москва)
Елена Щетинина (Омск)
Елизавета Борунова (Москва)
Жанна Бейсенова (Алматы, Республика Казахстан)
Игорь Пономарев (Санкт-Петербург)
Илья Старовойтов (Курган)
Ирина Ермолина (Санкт-Петербург)
Ирина Рудакова (Нижний Новгород)
Ирина Топунова (Москва, Подольск)
Лариса Крючкова (Москва)
Любовь Болюкина (Краснокамск)

Любовь Буданова (Москва)
Людмила Кшевинская (Москва)
Манана Голубева (Самара)
Марина Кулакова (Ульяновск)
Мария Безух (Санкт-Петербург)
Мария Киселева (Москва)
Мария Узлякова (Керчь, Республика Крым)
Михаил Погребной (Краснодар)
Надежда Архипова (Курск)
Надежда Таратоненкова (Москва)
Наталья Турянская (Екатеринбург)
Наталья Абдулова (Мурманск)
Наталья Александрова (Иркутск)
Наталья Анискова (Новосибирск)
Наталья Дейнеко (Зеленчукская,
Карачаево-Черкесская Республика)
Наталья Шикина (Москва)
Николай Едомин (Николаев, Украина)
Николай Чекмарев (п. Хвойная)
Ольга Андреева (Тамбов)
Ольга Гурьянова (Казань, Республика Татарстан)
Ольга Кирьянова (Санкт-Петербург)
Ольга Сагирова (Санкт-Петербург)
Орнелла Такиева (Уфа, Республика Башкортостан)
Рената Гимадиева (п. Цементный)
Руслан Нейла (Тюмень)
Саша Смит (Калуга)
Светлана Вилкс (Оренбург)
Сергей Филиппов (Тюмень)
Татьяна Баланова (Владивосток)
Татьяна Рыбалко (Санкт-Петербург)
Татьяна Янушко (Минск, Белоруссия)
Тимофей Недошколо (Москва)
Тишина Леса (Краснодар)
Филипп Герасименко (Невинномысск)
Юлия Монахова (Москва)
Юлия Страхова (Вологда)
Яна Казакова (Ставрополь)

Спасибо им за труды!

А еще каждый год таргет-группа обновляется. Кто-то выбывает, кто-то, наоборот, приходит «на новенького». Каждый год мы экспериментируем, совершенствуя нашу систему отбора для того, чтобы подарить вам очередную «самую страшную» книгу.

Мы называем так наши издания не потому, что считаем их действительно САМЫМИ страшными из всех. Мы называем их так потому, что ЛЮБОЙ читатель найдет здесь что-то, что ему понравится. Такую историю или истории, которые напугают персонально его.

Персонально ТЕБЯ.

АЛЕКСАНДР МАТЮХИН

АГНОЗИЯ

С недавних пор у Леши начались глюки.

Как-то он проснулся часа в три ночи, вспотевший, и увидел, что изо рта жены Лиды выползают мухи. Три жирные, с блестящими зелеными спинками мухи. Они елозили по влажным губам, терли лапки, будто о чем-то между собой разговаривали, а потом заползли обратно в рот и вроде бы еще какое-то время жужжали внутри.

Такой был страшный глуховатый звук, что у Леши задергалось левое веко, и он отправился на кухню и долго пил ледяную воду из-под крана, глоток за глотком вталкивал в себя холод, который отрезвлял. Мысли стали кристально чистыми. Леша вспомнил, что накануне пришел домой пьяный и свалился на кровать прямо в рубашке и брюках — они и сейчас были на нем, жена сняла с него только носки.

Леша решил, что мухи привиделись ему из-за опьянения, но все равно боялся заходить в комнату, где спала Лида. Это ведь был не первый глюк за несколько недель. Всего три дня назад ему чудился, например, темный силуэт невысокого роста, бродивший по комнате, будто заблудился. Но тогда наваждение прошло в два счета, стоило протереть глаза.

Сейчас Леша все же лег на кухне, на крохотном диване, согнув ноги, положив руку под голову, и провалился в нелепое сновидение, в котором кто-то бегал по стенам, чавкал и шипел неразборчивое. А из ушей Леши, из его рта и глаз лезли жирные мухи.

Утром его разбудила теща. Она готовила завтрак. Ничего не сказала, но взгляд у нее сделался кислый, как уксус. Леша сразу почувствовал себя виноватым, отправился в ванную комнату и долго мылся

контрастным душем, сбивая похмелье, сонливость, терпкие запахи. К нему присоединилась Лида.

Она не работала уже несколько месяцев, могла спать в свое удовольствие, но все равно каждое утро просыпалась рано, наводила, как говорится, маршфет. Красилась там, одевалась в нарядное и в этом же нарядном (платье, юбке с блузкой, чуть ли не на каблучках) делала работу по дому. Ей так было комфортнее чувствовать себя человеком. Так она хотела жить, а не существовать. Как могла.

Под струями горячей воды Леша обнял жену, прижал к себе. По ее коже бежали мурашки. Он посмотрел на лицо, разглядывая в первую очередь губы, но мух не увидел и жужжания не услышал. Хотя, возможно, его не было слышно из-за шума.

Лида спросила:

— Мы съездим в торговый центр?

— Ты снова потеряешься,— ответил Леша.— Как три недели назад. Я чуть с ума не сошел.

— Привяжешь меня к себе веревочкой. Тогда не потеряюсь. Мне нужно. Для реабилитации.

— Посмотрим,— ответил Леша. Подумал, добавил: — Возьму крепкий канат. Чтобы не вырвалась.

У него было не очень с чувством юмора. Но Лида полюбила его, конечно же, не за шутки. Когда-то давно — почти два года назад — Леша был высокий, красивый и подкачанный. Из одежды предпочитал темные брюки и белые рубашки, из обуви — начищенные до блеска туфли. За ним можно было прятаться, как за каменной стеной. Леша решал любые вопросы и проблемы. Он был мил, обаятелен, начитан и насмотрен. Проходил тренинги, слушал подкасты, учил языки. Его мечты не ограничивались дорогим автомобилем и квартирой в Москве. Он хотел какой-нибудь свой бизнес и обязательно с производством, чтобы не паразитировать на перепродаже, а создавать нечто новое. Леша отлично показал себя на переговорах, чем и зарабатывал на жизнь в крупной фирме. Два года назад был ведущим менеджером, год назад стал начальником отдела, полгода назад,

в тот момент, когда ему пришло сообщение о том, что жена попала в аварию, сломала левую ногу, нос, потеряла кусочек черепа и нерожденного ребенка — так вот в тот момент Леша терпеливо довел важный переговорный процесс с партнерами по бизнесу из Китая и только после этого рванул на место происшествия. За переговоры, между прочим, он получил бонус почти в полмиллиона рублей.

Сейчас, конечно, все изменилось. Он и сам это понимал, но ничего не мог поделать. Если в человеке и есть стержень, то у Леша этот стержень сломался, едва он увидел жену на больничной койке.

— Не вспоминай,— сказала Лида, пряча лицо под струями воды.— Оставь, брось. Все прошло.

На кухне к теще присоединился тесть. Шкворчало сало на сковородке. Тесть любил жирное и жареное. Леша уважал тестя за то, что тот большую часть жизни отдал армии, воевал, был ранен и как-то даже вытаскивал молоденьких перепуганных срочников из-под обстрела. За это тестю дали медаль и подарили автомобиль. В общем, человек был с сильным характером. Только ему Леша разрешал себя критиковать.

Тесть спросил:

— Снова пил? — и коснулся носком тапки пустых бутылок, стоящих рядком у батареи.

— Я немного.

— В среду.

— Бывает. На работе тяжело, сезон закрываем.

Тесть поморщился. Лида, чтобы разрядить обстановку, сказала:

— Леша больше не пьет много. Он постепенно завязывает.

Слово «постепенно» развеселило. Леша накидал себе в тарелку рыхлых кусочков омлета с помидорами, принялся жевать. В голове был сумбур, а хотелось снова ясности мыслей, как ночью.

— После работы смотаемся в торговый центр,— решил он.

Диагноз Лиде поставили в больнице. Пожилой врач, совершенно лысый, с темными пятнами, расползшимися по коже черепа, отвел Лешу в сторону и негромко, монотонно описал, как будет выглядеть семейная жизнь Леша и Лиды дальше.

Врач говорил про послеоперационные риски, последствия, про то, что нужно потерпеть года два или, может, десять. Пока еще никто не мог сказать с уверенностью. Еще говорил, что с таким диагнозом живут нормально, особенно если контролировать процесс, помогать, ухаживать и все такое. Жизнь теперь нужно подстраивать под конкретного человека, вот совсем всю жизнь, понимаете? Леша кивал, силился запомнить хотя бы часть терминов. В итоге запомнил только, что у врача дурно пахло из рта, что кафельный пол недавно помыли и он весь был в подсыхающих разводах, что одна лампа на потолке разъяренно мигала, что коридор был узкий и тесный и какая-то полная женщина в инвалидной коляске с совершенно измученным взглядом и истощенным лицом молчаливо ждала, пока они расступятся. Леша вжался в стену, пропуская ее. Врач ушел — как будто пропал в одно из мгновений, когда мигающая лампа заставила мир вокруг погрузиться в темноту. А женщина покатила на коляске к туалету, гремя металлическими колесами на весь коридор.

Лида провела в больнице три недели. Потом ее выписали, Леша примчался на служебном автомобиле, привез супругу домой. За это время квартира почти превратилась в холостяцкую, то есть где-то лежала недомытая посуда, где-то валялась грязная одежда и носки, из стиральной машинки торчали вещи, которые туда забросили черт знает сколько времени назад, а холодильник был забит всячиной, не сочетающейся между собой. К тому же суп в кастрюле прокис, хлеб покрылся плесенью, а банка огурцов вздулась. Дома Леша ничего не ел, только выпивал и закусывал.

Лида в первую очередь попросила выбросить детскую кроватку, детские вещи, все, что напоминало

бы ей о нерожденной девочке. Леша не выбросил, а убрал на балкон.

Через два дня после выписки на пороге появились тещь с тещей. Они приехали из Благовещенска. Теща была полна решимости выходить дочь и поддерживать в квартире нормальную атмосферу. Хоть год, хоть десять лет, как говорили. Она сразу взялась за дело: вымыла комнаты и кухню, перестирала вещи, наготовила еды, приготовила Леше список покупок, и он раболепно съездил с тестем в магазин. Ужинать заставила дома, никаких ресторанов и покупной готовой еды. И вообще.

Вокруг Лиды образовалась аура любви и заботы.

Примерно в это же время стали проявляться первые признаки заболевания.

Как-то Леша сидел в гостиной, и в дверях показалась Лида в халатике. Переминаясь с ноги на ногу, она сказала негромко:

- Мне нужно в туалет.
- Тебе чем-то помочь? — спросил Леша.
- Да. Мне нужно подойти к туалету.

Лида недавно гуляла по квартире, неторопливо передвигая ноги, будто находилась в парке на природе.

— Мне нужно развернуться, — сказала она жалостливым голосом. — Леша, Лешенька. Развернуться.

Он подскочил к ней, обнял за плечи.

— Не могу, — Лида заплакала и сделалась в тот же миг такой хрупкой и несчастной, что он чуть не заплакал тоже. — Я понимаю, что надо развернуться, но... нога. Видишь, нога.

Ее левая нога шагнула через порог, Лида смотрела на собственную ступню с нарастающим ужасом.

— Она сама! Я хочу назад, а она идет вперед!

В тот раз Леша взял Лиду поперек пояса, отнес к туалету и стоял под дверью, чтобы потом перенести жену в комнату. Она плакала без остановки, сидя на краю кровати. Призналась, что теперь вообще боится ходить. Ну куда она такая пойдет? Из окна вывалится или что? Ужасная выйдет смерть, дурная и нелепая.

С этого момента началась борьба Лиды с собственным мозгом. Где-то внутри ее черепа сломалось очевидное и привычное. Это касалось ориентирования на местности. Иногда она не могла вспомнить, где находится кухня или как дойти до ванной комнаты. Иногда прекрасно все помнила, но пугала правое с левым, уходила не в коридор, а в угол спальни. Несколько раз случались сильные приступы — Лида прекрасно отдавала себе отчет, куда надо идти, но тело будто нарочно совершало противоположные действия. Она хотела двигаться прямо, но пятилась назад. Хотела свернуть к гостиной, но разворачивалась и сбивала коленки о стену коридора. Это было хуже всего. Лида рыдала от бессилия и паники. Как-то разбила бровь, ударившись об угол открытой двери, — хотя видела, видела же прекрасно, но голова будто сама наклонилась куда не нужно.

Примерно в то же время Леша не выдержал и начал сильно выпивать. Одно накладывалось на другое. В мыслях постоянно крутились образы из того будущего, которое уже не наступит: детская комната, дочь в розовом платьице, розовая же коляска и розовый велосипед. Счастливая жена, поездки в отпуск на море втроем. Иногда он просыпался, пялился в потолок и несколько секунд не мог понять, куда делось это все красивое, розовое со вкусом счастья. Почему вокруг темнота, безнадега и комок под одеялом, ставший призраком его жены. В других мыслях, будто подменных, крутились образы из будущего, которое обязательно наступит: мир сузится до размеров квартиры или даже кровати, и жена станет лежать среди потных мятых простыней, плакать постоянно, просить, чтобы ее обняли и пожалели. А Леша и сам больше не выйдет из этих стен, потому что у него не будет свободного времени, не будет пространства, не будет никогда обычного человеческого счастья.

Правда, пока счастье было — в выпивке. Опынение разрушало мысли, подменные и реальные. После пяти-шести банок пива или нескольких стопок

чистого виски без льда в голове образовывалась спасительная пустота. С ней можно было жить. На ней, пустоте, и нужно было жениться.

Лида замкнулась в себе и большую часть времени проводила в комнате. Как партизан совершала редкие вылазки по квартире, а на улицу почти не выходила, только с мужем или тещей, под ручку, провертеться.

Три недели назад она попросила отвезти ее к торговому центру, возле которого случилась авария.

— Мне нужно преодолеть это,— сказала Лида, не уточнив, однако, что имела в виду.

Леша отвез. Впервые за несколько месяцев Лида сидела с ним в автомобиле, как раньше. Он думал, что Лида испугается, ведь автомобиль был тот самый. Но Лида виду не подала.

— Можно я закурю? — спросила она.

Остановились на парковке торгового центра, с той стороны, где хорошо был виден выезд на проспект, два столба, неработающий светофор, сетчатый забор, ограждающий ремонтные работы. Именно на этом выезде Лида почему-то не пропустила «газель».

Салон быстро наполнился табачным дымом. Лида смотрела на выезд задумчиво, облизывала губы. Потом сказала, что хочет пройтись по торговому центру и купить себе новые платья и туфли.

— Буду крепко тебя держать,— улыбнулся Леша,— чтобы не потерялась.

Наверное, он до конца не верил, что Лида чем-то больна, что из-за аварии у нее повредился мозг и она больше не та самая Лида. Так бывает. Понимаешь, но не принимаешь. Иначе не объяснить, почему он вдруг оставил жену в примерочной магазина и пошел в туалет. Думал, за пять минут ничего не произойдет. Лида ведь не дура, не уйдет куда-нибудь одна. Однако, вернувшись, он не нашел ее ни в примерочной, ни в магазине. Следующие двадцать минут Леша ходил по торговому центру. Кричать и звать стеснялся, к охране подходить — тоже. Глупо, глупо все это выглядело.

Он обошел магазины, туалетные комнаты — мужские и женские, — проверил аварийные выходы. Бегал по ступенькам, терпеливо обследовал каждый этаж. В конце концов, не удержавшись, стал спрашивать продавцов, засуетился. Сначала было стыдно, потом уже все равно. Как назло, в торговом центре было полно народу, и Леша стал бояться, что просто не разглядит жену среди густой вязкой толпы. Может, она прошла мимо, несчастная, два-три раза, не в силах контролировать свое тело, а он смотрел в другую сторону или просто взгляд, что называется, замылился.

Леша стал кричать ее имя и фамилию. Стал звать. Люди смотрели на него с изумлением. Подошли охранники. Леша, совсем отчаявшись, объяснил им про заболевание жены. Стащил галстук через голову, потому что стало трудно дышать.

О жене объявили по громкой связи. Попросили всех, кто видел, подойти на пункт охраны на первом этаже. Леша кружился вокруг этого пункта мотыльком, но никто не подошел в течение получаса. Стало понятно, что либо Лида вышла из торгового центра, либо где-то потерялась капитально. Леша с ужасом воображал, как его жена стоит сейчас, уткнувшись лицом в стену, в темном и пыльном коридоре какого-нибудь служебного ответвления и не может победить собственный мозг, не может отдать правильную команду. Просто стоит, а пыль оседает на ее глазах и губах.

Он снова стал бегать по этажам, звать жену, чем пугал людей, и к нему снова подошли охранники, но уже не такие дружелюбные, как раньше. Они стали сомневаться, что у него вообще потерялась жена. Леша грозил вызвать полицию, ругался и кричал: «Уберите руки!», хотя его пока еще никто не держал.

Потом он увидел Лиду. Она сидела на скамейке прямо напротив входа в туалеты. Сидела, сложив руки на коленях ладонями вверх. Волосы растрепаны, голова опущена. Почему-то без верхней одежды, только в нижнем белье.

Леша побежал к ней, крича: «Вот же она, вот!» Охранники, впрочем, не разделили его бурной радости. Они подошли тоже, осмотрели Лиду, задали ей несколько вопросов. Лида выглядела пьяной, говорила заплетающимся языком и ничего не могла вспомнить, кроме темных бесконечных коридоров, дурного запаха и шума рвущейся одежды. Руки и ноги ее были покрыты мелкими царапинами и укусами мелких зубов. Крысиных?

— Это тупик с кондиционерами, за супермаркетом,— определил охранник.— Кто-то забыл двери закрыть, наверное. Хорошо, что на диких собак не наткнулась.

Леша набросил на жену пиджак, повел на улицу. Уже в машине увидел еще странное: несколько ногтей на руках у Лиды были вырваны. Подчистую. На их месте розовела бледная новенькая кожа.

— Поехали отсюда,— попросила Лида.— Хочу напиться. Составишь компанию?

Утром после того случая теща потащила Лиду в церковь. Царапины и укусы очень ее взволновали. Тесть, как всякий военный, был неверующий и пытался тещу отговорить. Он вообще в плане веры сильно со своей женой конфликтовал. Как-то, выпив на праздники, рассказал, что перестал верить в Бога после одного случая на войне. Под Моздоком около госпиталя сбили вертолет. Тестя с группой сослуживцев срочно отправили на место крушения — искать уцелевших и мертвых, транспортировать всех в госпиталь. Дело было на рассвете, над полем стоял густой туман. Разбившийся вертолет чадил клубами дыма, то тут, то там горели обломки. И всюду были раскиданы мертвые солдаты. Лежали в разных позах. Уже позже тесть узнал, что вертолет был набит срочниками, возвращавшимися из мест военных действий в Ростов. Закатав рукава, он грузил на носилки обгорелые тела. Одно, второе, третье. На каком-то там десятке наткнулся на еще живого паренька. Тот лежал на спине, задрал к небу окровавленные скрюченные